

КОНТРАЗВЕДКА. РОМАНЫ О СЕКРЕТНОЙ ВОЙНЕ СССР

Валерий ШАРАПОВ

**Список чужих,
ЖИЗНЕЙ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Художник — *Павел Магась*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Список чужих жизней / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Контрразведка. Романы о секретной войне СССР).

ISBN 978-5-04-210308-7

1974 год. При странных обстоятельствах погибает ответственный чиновник Министерства среднего машиностроения Игорь Гаранин. У следствия есть подозрение, что это убийство, замаскированное под суицид. Спустя некоторое время — новая жертва: должностное лицо в оборонной промышленности — Евгений Лисовец. Формально погибшие не были связаны друг с другом, но майор КГБ Никита Платов уверен, что эти смерти что-то объединяет. Догадку оперативника подтверждает задержанный подозреваемый в совершении убийств. Из его показаний следует, что жертв должно было быть больше. А чтобы найти заказчика этих преступлений, нужно вернуться на тридцать лет назад, в оккупированную фашистами Белоруссию...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210308-7

© Шарапов В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сентябрь, 1974 год.

Вода в Пионерских прудах серебрилась в лучах мутного сентябрьского солнца. Обильный листопад еще не начался, но процесс шел — павшие листья метили береговую зону, плавали в воде. Клонились плакучие ивы к воде, наливались багрянцем листья ясеней и кленов. Никита Платов вышел из служебной «Волги», закурил. Майору из Второго Главного управления недавно исполнилось тридцать четыре — поджарый брюнет с тонко очерченным лицом — из тех, по которым трудно что-то прочесть. «Аристократ вы, батенька, — шутили коллеги. — Ваших предков, случайно, в Гражданскую баржами не топили?» Нет, не топили. Дед работал мастером на Путиловском заводе в тогда еще Петербурге, бабушка — типографская работница. Родители, мир их праху, трудились по преподавательской линии — вбивали в бестолковых школяров азы научного коммунизма...

Пионерские (когда-то Патриаршие) пруды окружала растительность, далее возвышались крыши

зданий. Местечко было частью Краснопресненского района вблизи Садового кольца, включало пруд, садово-парковую зону, несколько улиц и переулков. Вокруг водоема традиционно было тихо, люди приходили отдохнуть от трудов по закладке основ коммунистического общества. Но сегодня что-то выбилось из рамок. Утро выдалось пасмурным, дул ветер. На обратной стороне водоема возились люди. В стороне милиционеры отгоняли зевак. Никита машинально глянул на часы — начало десятого, двинулся в обход пруда. Миновал обветшалую беседку, невольно покосился. Словно кот Бегемот скорчил рожицу за решеткой, прителески подмигнул. Мелькнула тень старины Воланда. «Мастера и Маргариту» Михаила Булгакова майор недавно прочел — разумеется, по служебной необходимости. А затем — перечитал, дабы заполнить неусвоенные места. Чтением, как ни странно, остался доволен, не считал его потерей времени.

Сержант из оцепления двинулся наперерез, кивнул, прочтя удостоверение, и отступил.

— Недоброе утро, Никита Васильевич, — проворчал умудренный тридцатилетним опытом работы медэксперт Корчак, закрывая лежавший на коленях чемоданчик.

— И вам здравствовать, Роман Карлович. Уже закончили?

— Пока да. — Криминалист поднялся. — Остальное после вскрытия, то есть после обеда. Приятно поработать, Никита Васильевич.

СПИСОК ЧУЖИХ ЖИЗНЕЙ

Потерпевший, видимо, был непрост, раз к выяснению обстоятельств подключили Второе Главное управление. Милицию держали на поводке, не подпуская к месту происшествия. Покойник сидел на скамье — словно живой, казалось, просто задремал. Он не падал — возможно, оттого, что ноги были расставлены. Голова опущена, руки на коленях. Одет прилично — дефицитная замша, плотные брюки — явно не отечественного пошива, демисезонные ботинки — тоже не московской обувной фабрики «Парижская коммуна». Сам не молодой, но какой-то благообразный — полностью седой, но лицо холеное, породистое, даже, выражаясь специфично, фактурное. Оно казалось немного напряженным, глаза полуоткрыты. Ни крови, ни признаков внешнего воздействия. Со стороны пруда лавочку и тело прикрывали ветви ивы.

— Доброе утро, товарищ майор, — поздоровался капитан Белинский, вставая с корточек — он что-то разглядывал под лавкой.

Возраст сотрудника приближался к сорока, но с карьерой не складывалось, хотя парень был с головой. Высокий, жилистый, ни капли жира. Виктор предпочитал одежды, скрывающие худобу.

— Вы уж определитесь, насколько оно доброе, — проворчал Платов. — Приветствую, товарищи. Что за шум с утра пораньше? Уверены, что это наша юрисдикция?

— Так начальство захотело, товарищ майор, — подал голос Олег Яранцев, молодой работник отдела. — А мы с начальством не спорим.

Парню на днях исполнилось двадцать семь, он казался даже моложе своих лет, всегда старательно хмурился, чтобы выглядеть старше и представительнее. Нарекания заслуживал редко, старался, имел способности. И удобно иметь под рукой человека, которого всегда можно отправить туда, куда самому идти не хочется.

— Гаранин Игорь Валентинович, — представила потерпевшего тридцатидвухлетняя Зинаида Локтева — невысокая, но длинноногая, с приятным, но не сразу запоминающимся лицом. — Руководитель отдела в Министерстве среднего машиностроения. По долгу службы занимался поставками расходных материалов на Семипалатинский ядерный полигон. По этой причине нас и пригласили. Гаранина опознала соседка-физкультурница — женщина каждое утро бегают по дорожкам, в том числе вокруг пруда. Она же и обнаружила тело. Проживают в одном доме на улице Адама Мицкевича, в одном подъезде, но на разных этажах. Женщина не молодая, устала, забралась под иву, чтобы передохнуть на скамье. Рядом сидел бездыханный сосед. Сначала не заметила ничего странного, поговорила с ним, потом присмотрелась. Истерить не стала, поскольку медик, работает в бюро судебно-медицинской экспертизы, то есть насмотрелась на таких товари-

СПИСОК ЧУЖИХ ЖИЗНЕЙ

шей... — Зинаида немного смутилась. — Побежала к ближайшему телефону-автомату...

— Ну, да, монетка не потребовалась, — зачем-то сообщил общеизвестный факт Яранцев. — Вызов экстренных служб — бесплатно.

— Именно, — согласилась Зинаида. — В МВД есть свои списки, сориентировались — им же лучше, не делать лишнюю работу. С гражданкой Захаровой, обнаружившей труп, мы еще поговорим, но это формальность. Корчак считает, что смерть наступила в промежутке от одиннадцати вечера до полуночи, то есть как минимум девять часов назад. В то время гражданка Захарова еще не вернулась с дежурства.

— Он местный, говорите... — задумался Платов. — С улицы Адама Мицкевича...

В польских поэтах, публицистах и общественных деятелях майор разбирался плохо. Но деятель, безусловно, прогрессивный, если его именем назвали целую улицу в центре Москвы. При проклятом царизме ее знали как Большой Патриарший переулок.

— Да, несколько минут ходьбы, — согласилась Зинаида. — Жена Гаранина уже была здесь, металась, плакала. Вдову увели сотрудники милиции. По ее словам, был поздний телефонный звонок, Гаранин расстроился, оделся и ушел. Сказал, что скоро вернется. Охрана чиновнику не положена — только водитель со служебным транспортом. Жена особо не волновалась, легла спать.

Утром проснулась, стала нервничать, звонила зачем-то мужу на работу... Это точно соседка ей проболталась. — Зинаида тряхнула обработанными лаком волосами. — Мы долго Захарову не держали, выслушали и взяли координаты места проживания.

— Так я не понял, — нахмурился Платов, — это убийство или естественная смерть?

— Хороший вопрос, Никита Васильевич, — хмыкнул Белинский. — Это может быть даже самоубийство. Принял, например, яд и умер мгновенно. Обратите внимание, лицевые мышцы заметно напряжены. Или, скажем, случился инфаркт — сел на лавочку после волнительной встречи, почувствовал недомогание, но даже встать не успел — случился удар...

— Обе версии Захарова опровергает, — сказала Зинаида. — Во-первых, Гаранин был здоров как бык, несмотря на свой не юношеский возраст. Проблемы с суставами, садящееся зрение, бронхи от длительного курения — этим можно пренебречь. Даже волнительная встреча едва ли повлечет такой удар. С суицидом тоже мимо — человек был улыбчивый, добродушный, со всеми здоровался. Недавно купил дачу в ближайшем Подмосковье. Завтра, в субботу, собирался с женой в Большой театр на «Князя Игоря», уже билеты взяли. Супруга убивалась, вы не слышали: как она пойдет с мужем в театр, если муж умер? Действительно... как? Я к тому, что он не производил впечатления

СПИСОК ЧУЖИХ ЖИЗНЕЙ

человека, готового свести счеты с жизнью. Всякое, конечно, бывает... разбираться надо.

— Я бы точно с собой что-нибудь сделал, заставь меня пойти на «Князя Игоря», — признался Олежка. И пояснил, когда все на него уставились: — Не люблю балет и оперу, тоску наводят. Моя Светлана до сих пор вспоминает, как я в Новосибе лезгинку танцевал на ступенях тамошнего театра, когда узнали, что спектакль переносится.

— Да ну тебя, — отмахнулся Никита.

Он пытливно разглядывал покойного, подошел ближе. От мертвеца уже попахивало, хотя процесс разложения еще не начался. Игорь Валентинович, кем бы он ни был, имел представительную внешность. Он продолжал недоумевать. Но, видимо, начальство знало больше рядовых исполнителей. «Оперативно среагировали, — мелькнула мысль, — еще ведь только утро». Он задержался в архиве, куда поехал к восьми утра — того требовали текущие дела. Коллеги уж работали, его перехватил вахтер в архиве, вовремя снявший трубку.

— Сколько лет потерпевшему?

— Пятьдесят восемь или пятьдесят девять, — откликнулся Олежка.

«Скоро на пенсию», — подумал Никита.

— Родственники есть, кроме жены?

— Выясняем, — отозвался Белинский. — Вроде дочь, замужем... или была... разберемся.

— По следам эксперты отработали? Кто-нибудь подходил к этой лавочке?.. Что в карманах?

— Следов множество, — вдохнула Зинаида. — Место популярное... целоваться на эту лавочку молодежь приходит. За ветками не видно, что происходит, гм... Все истоптано, мусор, собачьи экскременты... Несколько свежих отпечатков обуви люди Корчака зафиксировали, в отчете опишут детально, но, сами понимаете... Вчера на этой скамье кто только не сидел... В карманах у убитого ключи от квартиры, сигареты «Уинстон», зажигалка «Зиппо», больше ничего... А что вы удивляетесь, товарищ майор? Не «Приму» же ему курить и не от спичек же прикуривать. Представьте, какие связи и возможности у таких людей... Эксперт на шее обнаружил подозрительную отметину, похожую на след от укола. Сейчас ее не видно, голова наклонена. Увезут в морг, проведут вскрытие — тогда и скажут, что к чему... Скоро должны подъехать. — Зинаида посмотрела на часы. — Наши труженики посмертных дел, конечно, не разгонятся, но свою работу пока делают.

«Интересно, — подумал Платов, — патологоанатомы и их подручные тоже борются за перевыполнение плана? Принимают повышенные обязательства, участвуют в социалистическом соревновании?»

— Хорошо, будем ждать заключения специалистов, — резюмировал Платов, — и только после

СПИСОК ЧУЖИХ ЖИЗНЕЙ

этого — действовать. Пусть решает руководство. Нам же есть чем заняться? — Он испытующе оглядел своих подчиненных.

Люди были грамотные, работалось с ними комфортно, но не всегда хватало одного доброго слова, чтобы придать им ускорение в работе. Сотрудники, соглашаясь, закивали: работы много, кто бы еще разрешил самим распоряжаться своим рабочим временем...

Машина из морга подошла минут через десять. Безмолвные санитары переложили тело на носилки, укрыли простыней и загрузили в «буханку» с красным крестом. «Вот и нас так когда-нибудь», — шепотом произнес Белинский и покопился на начальника. Начальник промолчал — не поспоришь. Милиция снимала оцепление, коллеги потянулись к служебному «РАФу», стоящему за деревьями. Расходились зеваки. Майор Платов не спешил покидать место происшествия, озирался, прислушивался к ощущениям. Ощущения были разные, но в целом ничего хорошего. Из-за беседки определенно выглядывал и подмигивал кот Бегемот...

От работы майор не прятался, но все же рассчитывал на другой вердикт. «Искренне жаль, Никита Васильевич, — безжалостно поведал Роман Карлович Корчак, — ни о каких инфарктах или инсультах речь не идет. У товарища Гаранина были здоровые сердце и сосуды, нам бы с вами такие.

В шею сделали укол, и в организм проникла лошадиная доза препарата на основе строфантина. Это гликозид, сердечное средство. В малых дозах помогает бороться с аритмическими проявлениями сердечной деятельности. В больших — вызывает мгновенную остановку сердца. Доза была такой, что не оставила потерпевшему ни малейшего шанса выжить. Дальше решайте сами. Теоретически он сам мог уколиться и ввести себе препарат, но как-то сложно. Есть множество других доступных способов покончить с собой. И где в таком случае шприц? Впрочем, сами мозжьте. Я вас не сильно огорчил, Никита Васильевич?»

Генерал-майор Вахмянин Петр Иванович был настроен решительно. Невысокий, седоватый, он вышагивал по кабинету, сцепив руки за спиной.

— Текущую работу передай Жирову, — заявил он тоном, не терпящим возражений. — С сегодняшнего дня ты и твоя группа занимаетесь Граниным. Убийство должно быть раскрыто, причастные лица — обезврежены и должны дать признательные показания.

— Я чего-то не знаю, товарищ генерал-майор? — осторожно спросил Платов.

— Мы все чего-то не знаем, — огрызнулся генерал. — И чем больше узнаем, тем меньше мы знаем. И это, знаешь ли, не гипербола с параболой. Пока для тебя хватит. Есть над чем работать. Появится необходимость — получишь информацию в полном объеме. Все это может быть пи-

СПИСОК ЧУЖИХ ЖИЗНЕЙ

сано вилами по воде, а может... Не приведи бог, конечно...

Генерал-майор изъяснялся загадками, но фронт работ обеспечил. Информацию собирали по крохам, медленно. Нехватка людей в отделе никого не волновала. Ночь Никита провел в каморке, смежной с рабочим кабинетом, на старом кожаном диване. Четыре часа на сон — и все удовольствие. Ехать домой — а это не куда-то, а в Строгино, — значит, вовсе остаться без сна. Дома, к счастью, не ждали (впрочем, к счастью ли — еще не разобрался). Жена помахала ручкой и растворилась в неизвестном направлении, заявив, что мечтала не об этом. Дети остались в нереализованных проектах. Сестра Екатерина проживала в славном городе Поронайске в южной части Сахалина — то есть в наиболее отдаленной от Москвы точке Советского Союза. С Марьей Павловной, смешливой особой, мнящей себя актрисой, Никита расстался месяц назад. В этой взбалмошной барышне что-то было, но, чтобы докопаться до этой изюминки, пришлось потратить кучу нервов и в итоге расстаться. Новой пассией пока не обзавелся, да и не ставил перед собой такой цели. Все приходило само, в нужный день и час. Утром проснулся, извлек из шкафа свежую сорочку, отправился в общий санузел чистить зубы...

Супруга убиенного Гаранина обладала повышенной чувствительностью. Слезы лились, как вода из водопада. О том, что мужа убили, при-